

**ЧЕЛОВЕК В
РЕЛИГИЯХ
МИРА**

ВНИМАЮЩИЙ ЗВУКАМ

Каннон

Догэн

Великий учитель Юнь-янь У-чжу как-то раз спросил великого учителя Дао-у Шань-сю:

— Как Великий милосердный бодхисаттва пользуется таким множеством рук и глаз?

Дао-у отвечал:

— Подобно тому, как человек ночью тянется рукой за голову, ища подушку.

Юнь-янь воскликнул:

— Я понял, я понял!

— Что же ты понял? — спросил Дао-у.

Юнь-янь отвечал:

— Всё его тело целиком — это руки и глаза.

— Ты хорошо сказал, — молвил Дао-у, — только это лишь восемь или девять частей из десяти.

Юнь-янь отозвался:

— Неплохо для такого, как я! А ты как скажешь, старший брат?

Дао-у ответил:

— У него всюду руки и глаза.

О том, каков Внимающий Звукам, Каннон, и прежде, и после слышны были многие голоса, но никто не сравнился с Юнь-янем и Дао-у. Если хочешь усердно изучать Внимающего Звукам, нужно с усердием углубиться в то, что сказали Юнь-янь и Дао-у. Великий милосердный бодхисаттва, о ком они говорили, — это бодхисаттва Внимающий Звукам Мира, также его зовут Внимающим Свободно. Усердно размышляя над тем, что он — отец и мать всех будд, не надо думать, что он еще не будда, не обрёл Путь. В прошлом он был буддой, пришёл своим путём как Ясно Постигший Истинный Закон³.

Надо для начала усердно поработать над тем, что сказал Юнь-янь: “Как Великий милосердный бодхисаттва пользуется таким множеством рук и глаз?” Есть школы, которые велят полагаться на Внимающего Звукам, а есть школы, которые Внимающего Звукам пока и во сне не видали. У Юнь-яня был Внимающий Звукам, они с Дао-у учились вместе. Но не то чтобы у них был всего один Внимающий Звукам или двое: сотни и тысячи Внимающих Звукам учились вместе с Юнь-янем. Внимающему Звукам дали по-настоящему Внимать Звукам только в общине Юнь-яня. Как это? Внимающий Звукам, о ком говорит Юнь-янь, и Внимающий Звукам, о ком говорили все прочие будды,

³ О том, что в прошлом Каннон был буддой (“пришедшим своим путём”, санскр. татхагата, яп. нёрай) и носил указанное имя, яп. Сё:бо:мё:, говорится в “Правилах подвижничества для заклятия сердца великого милосердного бодхисаттвы с тысячей рук и глаз”, яп. “Сэндзю гэндай хисиндзюгё:хо:”, ТСД 46, № 1950, 974b.

различаются как обретший Путь и не обретший Пути. У прочих будд Внимающий Звукам имеет двенадцать лиц, а у Юнь-яня не так; у прочих будд Внимающий Звукам имеет всего лишь тысячу рук и глаз, а у Юнь-яня не так. Иногда у других будд Внимающий Звукам имеет восемьдесят четыре тысячи рук и глаз, а у Юнь-яня не так. Из-за чего так получается? Надо понять.

Сказано: “Как Великий милосердный бодхисаттва пользуется таким множеством рук и глаз?”, — спросил Юнь-янь. Здесь “такое множество” — это не только восемьдесят четыре тысячи рук и глаз, и уж конечно, не только двенадцать, не тридцать два, не тридцать три, что уж там считается в этих числах⁴. “Такое множество” — это сколько угодно. Выражение “такое множество” не ограничивается “всем, что есть”. “Все, что есть” уже безгранично, а это, должно быть, не ограничивается даже беспредельным, предельной мерой. Так надо усердно изучать суть этого расчёта: “...такого множества, каким пользуется...”. Он уже превосходит всякие пределы и меры безмерного и беспредельного.

Теперь: когда Юнь-янь спрашивает о “таком множестве рук и глаз”, Дао-у не говорит, что так сказать нельзя. Значит, должно быть, в этих словах есть смысл. Ведь Юнь-янь и Дао-у вместе учились, плечом к плечу, на горе Яошань, они вместе прошли уже сорок лет, измеряли прежние и нынешние связи причин, искореняли ненужное и проясняли свидетельство о нужном. И вот, теперь он говорит: “такое множество рук и глаз”, — Юнь-янь говорит, а Дао-у проясняет свидетельство. Надо понимать: по уровню эти двое — старые будды, оба говорят одинаково: “такое множество рук и глаз”. Ясно, что “такое множество рук и глаз” — это общая усердная работа Юнь-яня и Дао-у. И вот, Юнь-янь теперь спрашивает у Дао-у про то, как “пользуется”. Его вопрос не надо равнять с вопросами учителей, изучающих сутры, учителей, изучающих трактаты, бодхисаттв на десяти ступенях святости и трех ступенях мудрости⁵. Этот вопрос содержит утверждение, он утверждает “руки и глаза”. Вот сейчас он утверждает: “...пользуется таким множест-

⁴ Речь идет о двенадцати (чаще — одиннадцати) лицах бодхисаттвы и его тридцати двух либо тридцати трех обличиях. “Восемьдесят четыре тысячи” — частое в буддийских текстах обозначение огромного множества (например, 84000 наставлений дал Будда).

⁵ Обычно выделяемые ступени подвижничества бодхисаттвы.

ЧЕЛОВЕК В РЕЛИГИЯХ МИРА

⁶ Отсылка к “Полным записям наставника созерцания Юнь-мэнь Куан-чжэня”, кит. “Юнь-мэнь Куан-чжэнь чаньши гуань-лу”, ТСД 47, № 1988, 545 с. Этим выражением наставник отвечает на вопрос, “зачем будды и патриархи пришли с Запада”; у Догэна оно встречается также в трактате “Глаз” (“Гандзэй”, 1244). Сам вопрос принадлежит к тому же ряду наивных или провокационных вопросов, что и вопрос о руках тысячерукого; по сути, он означает: зачем будды и патриархи стали проповедовать в Китае. Разные наставники чань давали на этот вопрос разные парадоксальные ответы, ср. в “Записях у лазурной скалы” эпизоды 17 и 20.

⁷ “Разница” здесь — кит. цзяньдянь, яп. кэнтэн, разница в уровне усвоения учения Будды; разница между обыденным взглядом, различающим “день” и “ночь”, знание и незнание, буддийским взглядом на весь мир как омраченный “долгой ночью неведения”, взглядом, преодолевающим различия между “ночью” и “днем”, и наконец, взглядом, который возвращается к исходному наивному восприятию мира (ночью спать, днем любоваться горами).

вом рук и глаз”, — и должно быть, есть такие старые будды и новые будды, кто становится буддой в силу заслуги от этого деяния. Он мог бы тут сказать: “распоряжается таким множественством рук и глаз”; а мог бы тут же сказать: “действует”; мог бы тут же сказать: “двигает”; мог бы тут же сказать: “утверждает”.

Дао-у отвечает: “Подобно тому, как человек ночью тянется рукой за голову, ища подушку”.

Это значит: подобно тому, как ночью человек протягивает руку назад и шарит в поисках подушки. “Шарить” значит пытаться найти. “Ночью” значит в темноте, еще можно было бы сказать: “при свете солнечного дня смотреть на горы”⁶. Пользуется руками и глазами — делает то же самое, что человек, который ночью позади себя шарит рукой в поисках подушки. Отсюда надо понять, что значит пользоваться руками и глазами. И надо уловить разницу между той ночью, о которой думаешь при свете дня, той ночью, которая ночью, и их еще надо отличать от того, когда вообще нет ни дня, ни ночи⁷. Человек ищет подушку: даже если при этом он не понимает, что делает по сути то же самое, что Внимающий Звукам, когда тот пользуется руками и глазами, — все равно мы можем и должны сказать, что один подобен другому.

“Подобно тому, как человек...” Человек здесь — это только сравнение? Это обычный, какой угодно человек? Или не обычный человек? Если считать, что это обычный человек на Пути Будды, то тут — не просто сравнение, и надо понять, что значит “искать подушку”. У подушки тоже есть очертания и размер, про них надо спросить. И ночь, должно быть, тоже не просто ночь, какая бывает в мирах людей и богов, где различаются день и ночь. Надо понимать: сказано ведь не про то, чтобы взять подушку, подтащить подушку поближе, отодвинуть подушку подальше. Сказано: “ночью рукой ищет позади себя подушку”, и если разобраться, что там на дне этого изречения Дао-у, то надо видеть и не проходить мимо: там глаза, которые видят ночью. Рука ищет подушку: пока еще не добралась до ее края. Если нужно “поискать рукой позади себя” — значит, нужно “посмотреть позади себя”, так? Надо прояснить “ночь”. Это мир рук и глаз? Это человеческие руки и глаза? Или руки и глаза сами по себе летают, как молнии? Есть ли хоть одна строка, хоть пара строк про руки и глаза, истинных от головы до хвоста? Если разбирать подобные наставления, то вот, сказано: “пользуется таким множеством рук и глаз”, — но кто он, этот “Великий милосердный бодхисаттва”? Точно так же можно было бы просто сказать: “бодхисаттва рук и глаз”. Тогда можно было бы спросить: как теперь пользуется бодхисаттва рук и глаз таким множеством великих состраданий? Надо понимать: хотя руки и глаза не мешают друг другу, “пользуется так” — это и “так пользуется”, и “пользуется тем, что они таковы”. “Так”, говорит он, и согласно его словам, хотя он не скрывает, что “весь он целиком — руки и глаза”, незачем ждать, пока он скажет: “весь целиком — руки и глаза”. Пусть

он не скрывает руки и глаза, пусть руки и глаза у него есть — это не он сам, не горы и не реки, не солнечный лик и не лунный лик, не “само сердце, которое и есть будда”.

Юнь-янь говорит: “Я понял! Я понял!”, но не говорит, что понял именно слова Дао-у. Он говорил о руках и глазах, что “пользуется” именно ими, дал им высказаться: вот какое тут “я понял, я понял”. Должно быть, вот как: без помех пользуется тем, куда попал, без помех использует тот день, что нынче настал.

Дао-у спрашивает: что ты понял? И это то же самое, что “я понял”; хотя он и не мешает Юнь-яню с его “понял”, у Дао-у есть свои слова: “что же ты понял”. Вот эти “я понял”, “ты понял”: разве это не глаза поняли, не руки поняли? “Понял” — то есть достиг ясности? Или “понял” — значит ещё не достиг? “Я понял”: тут понимание “мое”, а “что ты понял” — тут он, должно быть, побуждает усердно поработать над “твоим”.

Из слов Юнь-яня “все его тело целиком — это руки и глаза” появляется множество Внимающих Звукам, которые стараются истолковать, что значит “ночью шарить за спиной в поисках подушки”, усердно работают над тем, что все тело — это руки и глаза. Эти Внимающие Звукам хотя и Внимают Звукам, но еще не так Внимают Звукам, как те, кто обрел Путь. Юнь-янь сказал: “Все тело целиком — это руки и глаза”, он не говорил, что “руки и глаза — это все тело целиком”. Хотя “все целиком” — это все миры, но именно тело, руки и глаза таковы, что “все целиком” не может их охватить. Пусть у тела, у рук и глаз есть свойства “всего целого”, это, должно быть, не те руки и глаза, какими на рынке можно что-нибудь высмотреть и стащить. Благие свойства рук и глаз — не те, которыми можно увидеть, исполнить, проповедать что-то, что признаешь за верное. О руках и глазах уже сказано, что их “такое множество”: больше тысячи, больше десяти тысяч, больше восьмидесяти четырех тысяч, больше безмерного и беспредельного. Но таково не только “все тело целиком — руки и глаза”; должно быть, “переправляет живых на тот берег, проповедует Закон” тоже таково, и “озаряет светом все страны и земли” тоже таково⁸. Поэтому Юнь-янь и сказал: “все тело целиком — это руки и глаза”; он не велел, чтоб руки и глаза

Каннон в белом одеянии. Кано Мотонобу, XVI в.

⁸ Приведены два выражения, описывающих милосердные деяния буддхисаттвы.

сделались всем телом, и нам надо усердно поработать над этим. Мы пользуемся тем, что “все тело — это руки и глаза”, распоряжаемся, двигаем, пробираемся вперёд или стоим на месте, но нельзя, чтобы это двигало нами.

Дао-у говорит: “Это ты хорошо сказал, только это восемь или десять частей из десяти”.

Он указывает, что сказанное было хорошо сказано. “Хорошо сказано” — то есть слова попали в цель, ничто не осталось невысказанным. Когда прежде не высказанное наконец высказано, так что не высказанным не осталось ничего, — это “только восемь или девять частей из десяти”.

Если кто-то усердно изучил бы смысл сказанного, все десять из десяти, и нашёл бы силы высказать до конца, что ещё не было сказано, — это бы не было усердной работой. Сказанное — восемь или девять частей; когда то, что можно высказать, высказывают на восемь или девять частей, то как раз тем самым и высказывают все десять из десяти. Когда приходит тот самый миг, ты высказал бы, пожалуй, все сто, тысячу, десять тысяч — силы чудесны, и потому применяешь лишь малую часть этих сил, высказываешь всего восемь или девять. Допустим, Юнь-янь применил бы сотни, тысячи, десятки тысяч сил, охватил все миры на десяти сторонах: неохваченного осталось бы меньше, чем охваченного. Да если бы он даже применил всего одну силу, это уже не была бы сила обычного человека. Такова суть этих “восьми или девяти”. Но когда слышишь, что будды и патриархи высказали только восемь или девять из десяти, то понимаешь: можно было бы высказать и все десять, то есть высказанного недостаточно, тут лишь восемь или девять из десяти частей. Если бы Закон Будды был таким, он не дожил бы до нынешнего дня⁹. “Восемь или девять частей” — все равно что сто или тысяча, все равно что “такое множество”; вот что нам надо усердно проработать. Восемь или девять частей уже высказано, меру мы знаем и можем не останавливаться на восьми или девяти. Беседы будд и патриархов усердно изучаются вот так.

Юнь-янь говорит: “Неплохо для такого, как я. А ты, старший брат, как скажешь?”. Он так говорит только затем, чтобы побудить Дао-у высказаться: пусть тот выразит свои восемь или девять из десяти. Хотя это и значит “пусть не ходит по старым следам”¹⁰, это же значит “руки у него длинные, а рукава коротки”¹¹: “неплохо для такого, как я” не означает “я еще не высказал всего, что мог бы высказать, но оставляю это, как есть”.

Дао-у говорит: “У него всюду руки и глаза”.

Этими словами он не говорит, что руки — это руки, глаза — это глаза, и таково всё его существо. Он говорит, что руками и глазами пронизано всё существо: “у него всюду руки и глаза”.

Стало быть, он не говорит, что тело — это руки и глаза. “Пользуется таким множеством рук и глаз”: пользуется руками, пользуется глазами, и тогда руки и глаза — это непременно такие руки и глаза, что пронизывают все его существо. Сейчас был за-

⁹ То есть если бы в учении Будды вся истина была бы уже высказана (“десять из десяти”), то оно не побуждало бы к подвижничеству, а значит, ему бы уже никто не следовал.

¹⁰ Отсылка к “Полным записям наставника созерцания Хун-чжи” (ТСД 48. № 2001. 32 с.).

¹¹ Отсылка к тем же “Полным записям” (18а) и другим источникам; слова отвечают на вопрос, на кого похож Будда.

дан вопрос: как он пользуется таким множеством рук и глаз; можно было бы ответить: все его существо — это то, что он чем-то как-то пользуется. И конечно, “целиком” у Юнь-яня и “всюду” у Дао-у не таковы, что одним дело не исчерпывается, а другим исчерпывается. Хотя “целиком” у Юнь-яня и “всюду” у Дао-у нельзя сравнивать, выяснять, что лучше, но и то, и другое как раз, надо думать, говорят про “такое множество рук и глаз”.

Итак, Внимающий Звукам, о ком говорил старец Шакья¹², в чем-то тысячерукий и тысячеглазый, двенадцатикикий, имеет тридцать три тела, восемьдесят четыре тысячи рук. Внимающий Звукам у Юнь-яня и Дао-у имеет “такое множество рук и глаз”. Но тут нет речи о том, чего много или мало. Когда мы усердно изучаем Внимающего Звукам с “таким множеством рук и глаз” у Юнь-яня и Дао-у, все множество будд достигает “восьми или девяти частей” от сосредоточения-самадхи Внимающего Звукам.

ВМСТИЛИЩЕ СУТИ ИСТИННОГО ЗАКОНА, ТРАКТАТ 18,
“ВНИМАЮЩИЙ ЗВУКАМ”

26 ДЕНЬ ЧЕТВЕРТОГО МЕСЯЦА ТРЕТЬЕГО ГОДА НИНДЗИ¹³,
ГОДА СТАРШЕЙ ВОДЫ И ТИГРА

Теперь, с тех пор как Закон Будды пришёл с Запада, будды и патриархи много говорили о Внимающем Звукам, но не сравнились с Юнь-янем и Дао-у. Поэтому я говорю только об их Внимающем Звукам.

У Великого учителя Чжэнь-сюэ из Юнцзя¹⁴ есть строки:

Того, кто не видит ни одной вещи, называют Пришедшим Своим Путём,

Еще его можно назвать Внимающим Свободно¹⁵.

И Пришедший Своим Путём, и Внимающий Свободно, хотя являются каждый в своих телах, но у них не разные тела; так-ково это ясное свидетельство.

У Ма-гу и Линь-цзи есть разговор об истинной руке и глазе¹⁶ — одной руке и одном глазе из “такого множества”. У Юнь-мэня¹⁷ есть Внимающий Звукам, который “видит краски и проясняет сердце, слышит звуки и постигает Путь”. Каких же звуков и красок не видит и не слышит бодхисаттва Внимающий Звукам Мира? У Бай-чжана¹⁸ врата Внимающего Звукам ведут к основе. В собраниях “Победоносного заклатья”¹⁹ Внимающий Звукам полностью проникает всюду, а в собраниях Цветка Закона²⁰ Внимающий Звукам являет себя во вратах, открытых для всех. Все они учились вместе с Буддой, все они учились вместе с горами, реками и великой землей, и всё же это, надо думать, лишь один или два из “такого множества рук и глаз”.

Годы Ниндзи, год Старшей воды и Тигра, второй месяц лета, десятый день. Переписал Эдзэ.

Перевод со старояпонского и комментариев Н.Н. ТРУБНИКОВОЙ

¹² Будда Шакьямуни.

¹³ 1242 год.

¹⁴ Он же Юн-цзя Сюань-сюэ (665–713), ученик шестого патриарха чань Хуэй-на, цитируется его “Песня свидетельства на Пути”, кит. “Юн-цзя-чэндао-гэ”. ТСД 48, № 2014. С. 395–396.

¹⁵ То есть буддой (татахагагой, ср. прим. 11) и бодхисаттвой-Кандзидзай = Каннон.

¹⁶ Ма-гу Бао-чэ (VIII–IX вв.), спросил у Линь-цзи И-сюаня (XI век), одного из самых знаменитых наставников Чань: который глаз Великого милосердного бодхисаттвы, тысячеглазого и тысячерукого, — истинный глаз? Линь-цзи в ответ задал тот же вопрос и велел отвечать быстрее. Ма-гу стащил наставника с помоста и сел на его место. Линь-цзи спросил: и каково тебе? Ма-гу медлил, и Линь-цзи, в свою очередь, стащил его с помоста и сам уселся там. Ма-гу вышел прочь, и тогда Линь-цзи спустился с помоста. Разговор известен из “записей бесед Линь-цзи” (“Линь-цзилу”, эпизод 12).

¹⁷ Юнь-мэньВэнь-янь (864–949), учитель Юнь-яня и Дао-у.

¹⁸ Бай-чжан Хуай-хай (720–814).

¹⁹ У тех, кто изучает “Победоносное заклятие”, яп. “Рё:гон-дзю” и обосновывающую его “Победоносную сутру” (яп. “Сюрё:гон-кё:”, санскр. “Шурамгама-сутра”, ТСД 19, № 945). По преданиям, в Китае приверженцы чань стали изучать это заклятие и соотносимый с ним способ сосредоточения, после того как бодхисаттва Внимающий Звукам явился во сне наставнику по имени Чжэнь-се Цин-ляо (1088–1151) и указал, что это будет полезно.

²⁰ У тех приверженцев “созерцания”, кто изучает “Лотосовую сутру”.